

“Пялёсткі лотаса і хрызантэмы. Сто паэтаў Кітая XX стагоддзя”, 2018). У любым выпадку ў сваіх лірычных замалёўках М. Мятліцкі выступіў не толькі як паэт, але і як мастак: кожны яго радок яркі, каларытны, напоўнены сэнсам. Чытаеш некалькі слоў – і перад вачыма паўстаюць цэлыя карціны, якія, здаецца, нават водар перадаюць: *“Качарга ў качарэжніку, // Уджаленая зыркатым вуголем, // Студзіць чорны ступак”* [3, с. 8].

Аднак і ў гэтым эксперыменце М. Мятлікі застаўся верны сваім “класічным” вобразам: пакоша, сланечнік, ажынік, рыбака, коніка строкат, комін, гармонік, кросны і інш. Яго крыніцай натхнення па-ранейшаму застаецца вёска: *“На звалцы вясковай // Ляжанку між рознага хламу // Знайшло і кола ад воза – // Дакацілася // Да прыпынку апошняга”* [3, с. 8].

У адрозненне ад “паўнафарматных” вершаў, дзе паэт часцей за ўсё адлюстроўвае пейзаж праз прызму перажыванняў і светаўспрымання яго лірычнага героя, у малых лірычных творах М. Мятліцкага пейзаж з’яўляецца самастойным сродкам увасаблення рэчаіснасці: *“Сланечнік – // Сонца з каронай, // Даступнае зроку без цымянага // Шкельца”* [3, с. 8]. Аўтар пакідае месца для чытацкай фантазіі: «букет» мастацкіх вобразаў у кожнай канкрэтнай сітуацыі мусіць раскрыцца па-свойму.

Такім чынам, з’яўляючыся прадаўжальнікам традыцый беларускай літаратуры, М. Мятліцкі адлюстраванне ў сваёй творчасці цікавасць да класічных жанравых, тэматычных, кампазіцыйных, выяўленча-выразных асаблівасцей паэтычнага тэксту.

Адмеснасць і навізна паэзіі мастака слова дасягаецца дзякуючы багатай моўнай палітры і цэламу арсеналу цікавых вобразаў, які ўключае не толькі вобраз лірычнага героя, але і вобразы прыроды, вёскі і інш. Варта ўдакладніць, што менавіта чалавек ў лірыцы М. Мятліцкага злучае свет адушаўлены і неадушаўлены, а эмацыянальны фон персанажа непасрэдным чынам уплывае на нападненне і сутнаснае раскрыццё рэчывых элементаў у творы.

Звяртае на сябе ўвагу і малая лірычная форма М. Мятліцкага. У сваіх “Вокамгненнях” паэт тым не менш засяродзіў увагу на так званых “вечных” праблемах: родныя карані, хуткацечнасць зямнога існавання і інш. Новая для М. Мятліцкага форма ўдала ўпісалася ў агульны кантэкст яго творчасці, падкрэсліўшы лепшыя бакі мастацкіх здольнасцей аўтара.

Літаратура

1. Мятліцкі, М. Абеліск у жыцце : вершы і паэма / М. Мятліцкі. – Мінск : Маст. літ., 1980. – 56 с.
2. Мятліцкі, М. Чалавек падймае неба / М. Мятліцкі. – Мінск : Чатыры чвэрці, 2012. – 360 с.
3. Мятліцкі, М. Вокамгненні / М. Мятліцкі // ЛіМ. – 2019. – 9 жніўн. – С. 8.

Бессараб Д. А.
(Республика Беларусь, г. Минск)

ЛЕДНИКОВЫЕ ВАЛУНЫ КАК ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ

Как известно, формирование современной дневной поверхности территории Беларуси происходило под воздействием ледниковых и постледниковых процессов. Льды не менее пяти раз приходили на территорию современной Беларуси. Четыре оледенения получили название по наименованию рек: наревское, березинское, днепровское и сожское.

Последнее, покинувшее территорию Восточно-Европейской равнины лишь 10 тыс. лет назад, называют поозерским. Первые два из пяти ледниковых покровов четвертичного периода почти полностью перекрывали современную территорию Беларуси, останавливаясь у самых южных границ. Третий распространился максимально далеко, вплоть до широты Кременчуга, что находится в Полтавской области Украины. Два же последних (сожский и поозерский) разместили свои прикраевые зоны на территории современной Беларуси, что отметились простиранием гряд и возвышенностей, осложнивших современную поверхность. Вытянувшиеся от Гродно и Волковыска до Орши возвышенности сожского возраста (220–130 тыс. лет назад), образуют Белорусскую гряду – главный водораздел бассейнов Балтийского и Черного морей. Поозерский ледник был самым маломощным по простираению и остановил ход, обозначив свое краевое стояние грядами Браславской, Свентянской, Городокской и Витебской возвышенностей. Они сложены преимущественно несортированным материалом (мореной). На территории Беларуси распространены, большей частью, морены двух видов. Более плотная, сложенная в основном грубыми суглинками и супесью с включенным в их толщу большим количеством обломочного материала различной крупности, называется основной. Она формируется в теле льда. Второй вид – конечная морена, – образуется в результате суммирования двух основных процессов: нагнетания обломочного материала у края льда, и вытаяванием материала из тела мертвого льда. Она, как правило, менее плотная, чем основная, и представлена, в большей части, несортированными грубыми супесями, перемешанными с крупными песками, и перенасыщена большим количеством обломков разной степени крупности.

Формирование территории Беларуси под воздействием ледниковых и постледниковых процессов, нашло прямое отражение в становлении специфического миропонимания национальных традиций этноса, и, по большому счету, культурного уровня быта, а также традиционных норм поведения. Надо думать, что вполне оправданной будет констатация факта об архаичности мифологии белорусов, что во многом обусловлено причинно-следственными связями, образовавшимися, в том числе, на субстрате специфичности ландшафтов современной дневной поверхности Беларуси. Камень окружал и сопровождал наших предков россыпями на полях, преградами в реках, валами вокруг городищ, фундаментами замков, покрытием городских улиц, мельничными жерновами, идолами и жертвенниками на капищах, крестами на погостах... Это каменное изобилие так прочно вошло в жизнь, что со временем приобрело метафизическое значение.

Ну, а самый большой камень находится у д. Горки, Шумилинского района, что в 40–45 км к северу от г. Витебска. У валуна два названия: первое – «Чортаў камень», а второе – «Вялік камень». Сложен гранитом рапакиви. Это второй по размеру валун на территории Европы (длина 11 м, ширина – 5,6 м, над поверхностью возвышается на 2,8 м).

На восточной окраине Минска, между Академгородком и микрорайоном Уручье-2, между нынешними улицами Шугаева и Академика Купревича, разместился единственный в Европе музей валунов. Они не просто собраны, но и размещены в систематизированном порядке по пяти экспозициям, отражающим и объясняющим закономерности размещения обломочного материала на территории нашей страны. Пятая экспозиция называется «Камень в жизни человека». Испокон веков он играл существенную роль в материальной и духовной культуре белорусов, определял быт, выполнял сакральные функции и влиял на формирование ментальности. Камень был поистине вездесущ. В этой экспозиции демонстрируются каменные жернова, камни-жертвенники, камни-идолы, камни с надписями, камни-следовики, каменные кресты и пр. Здесь же размещены и два уникала: крест Стефана Батория и камень «Дед».

Когда-то этот крест находился в урочище Королев Стан близ деревень Сосновка и Асиनावик недалеко от Докшиц. Вытесанный из цельного камня, крест имеет высоту,

несколько превышающую полтора метра, размах перекладины составляет что-то около 1 м, и толщина – сантиметров 35–40. Посередине его высечено изображение человека с короной на голове, поднятым мечом в правой руке и щитом в левой. И ниже надпись: «RSB». Аббревиатура проста. Корона на голове означает короля («Rex»), что обозначено буквой «R». Буквы «SB» расшифровываются как «Stefan Batory». Можно попытаться определить время изготовления креста. В июле 1579 г. под Свирью состоялась рада, где разрабатывался план ведения боевых действий в ходе ливонской войны [1]. С. Баторий предложил организовать наступательные действия в направлении на Полоцк – ключевую позицию, как для Ливонии, так и всего Великого княжества Литовского, а уже в начале августа началась осада Полоцка. Докшицы находятся на полпути между этими городами. Кроме того и топоним «королев Стан» близ этого населенного пункта также свидетельствует, что Баторий действительно останавливался здесь. Это может означать, что в середине июля 1579 г. король мог распорядиться изготовить и сам крест, и выбить на нем надпись. Однако, встречается мнение, что крест был изготовлен не ранее, чем в 1580 г., когда Баторий осаждал Витебск. Это маловероятно, так как известно, что успешно окончив военную кампанию 1579 г., войска Батория отошли к Чашникам, откуда в 1580 г. был начат поход на Псков. В этой связи становится неясно, зачем ему было попадать в Докшицы, что лежат в 90 км западнее Чашников, а не отправляться напрямик на север – в сторону Великих Лук и Вележа. И, кроме того, не взяв Витебск, и тем самым не обезопасив себя, вряд ли бы Баторий пошел на Псков, оставив на фланге неприятельское войско.

Не менее легендарен и камень «Дед». Сам факт существования, пусть лишь в остаточном виде, но с центральным культовым объектом, языческого капища в первой половине XX в. в центре Минска, является феноменом, аналогов которому нет в Европе. Когда-то камень «Дед» был установлен в излучине Свислочи, на языческом капище, рядом со священным дубом да целебной криницей. Со временем Минск разрастался и капище оказалось в самом центре города (сейчас это место напротив стадиона «Динамо» на пригорке за ресторанчиком «Старое русло»). В последней четверти XIX в., к 900-летию крещения Руси, капище разорили: потушили священный огонь Знич, камни от него утопили в Свислочи, дуб пустили на дрова, а «Деда» окрестили, и оставили стоять на том же месте, где он и был изначально установлен. К нему все равно ходили вплоть до второй половины XX в. – валун обладал чудодейственной силой и мог лечить бесплодие. Для этого бездетной женщине нужно было в определенную ночь, без «споднего», усесться на камень, посидеть на нем какое-то там время, а потом еще пару раз повторить. И все в порядке. Вот такое оригинальное экстракорпоральное оплодотворение. Камень ценили и всячески ублажали: то конфетку положат, то яблочко, то монетку. Ну, а когда спрямляли русло Свислочи, во время строительства второй линии метро, камень (в очередной раз) стал на пути уже строителей. Хорошо, хоть, что не взорвали за ненадобностью, а перевезли в музей валунов. Так и стоит он, царь царем, в экспозиции «Камень в жизни человека». И сейчас к нему продолжают носить то конфетку, то яблочко, то монетку... Значит историческая память еще жива.

Наши предки-кривичи могли солнцевороты не хуже друидов определять. Наших волхвов, в первую очередь, интересовало время наступления самой короткой ночи в году. Есть у нас такое место, находящееся на берегу оз. Яново Ушачской группы. А неподалеку, на террасе оз. Паульского, что соединяется с Яновым через небольшую речушку-протоку Диву – еще одно. И там, и там, участниками геологической экспедицией Э. А. Левкова, в 1987 г. были обнаружены и описаны практически полностью сохранившиеся в первозданном виде два языческих капища. С каменными стодами-идолами, камнями-жертвенниками, местом для огня Знича. Первое из них – Яновское, выполняло не только, и не столько сакральные функции. Главное его предназначение было несколько иное. Это и есть наш, полностью сохранившийся «Стоунхэндж» – астрономическая лаборатория наших

предков. Что дает основание настаивать на этом? Ну, во-первых, необычное размещение валунов на этом капище, другими причинами объяснить которое весьма затруднительно. Ими выложена равносторонняя (по 15 м каждая сторона) буква «П», боковые грани которой ориентированы точненько на северо-запад, что важно. В самый длинный день в году в наших широтах солнце заходит как раз-таки именно на северо-западе. Во-вторых, все эти валуны имеют приблизительно одинаковые размеры и все без исключения, имеют красно-розовую цветовую гамму, и представлены либо гранитами, либо гнейсами, а, значит, специально отбирались по этим признакам и расставлялись соответствующим образом.

Далее. Внутри П-образной фигуры выставлены два несколько похожих на треугольник достаточно крупных валуна, «припертые» друг к другу плоскими сторонами так, что между ними образуется зазор, который вполне мог быть своеобразным прицелом. И если за ним присесть и глянуть в сторону открытого пространства буквы «П», то визуальная ось из этого «прицела» вполне корректно попадает на вершину самой высокой точки окрестностей – горы, точнее холма, но зовут его горой Волотовкой. И последнее. Садящееся Солнце лишь один день в году уходит за горизонт именно в этом месте, которое совпадает с линией «прицел» – вершина Волотовки. Наступает Купальская ночь. В языческие времена это был совсем другой праздник, другой и по смысловому значению, и по обрядовому действию. Недалеко от Янова, на берегу оз. Паульское в урочище «Рэкшаты» вдоль берега выложены в цепь тринадцать валунов. Наибольший интерес из них, скорее всего, представляют четыре. Один – двухметровый базальтовый идол с отбитой левой рукой. Скорее всего, он символизирует языческое божество – Тётю, которое находилось в пантеоне только наших предков. У других народов Тётя в принципе не фигурирует.

Второй валун был также обработан человеком, и внешне напоминает миску – типичный камень жертвенник. На него клали различные предметы, хлеб и пр. Третий, около 2-х м в длину, имеет верхнюю отшелушивающуюся поверхность. Так случается, когда на камнях разводят огонь, и образуются значительные перепады температур. На этом камне находился символ капища – священный огонь Знич. Но самый интересный валун, также обработанный человеком, имеет сверху вручную сделанную выемку, и по форме напоминает кресло. Это место принесения человеческих жертв. Выбранную жертву укладывали в эту выемку, за волосы оттягивали назад голову, и наносили по шее удар ножом или каким другим острым предметом.

Стало уже вполне устойчивым мнение, что само название «Купалье» произошло от слова «купать», «купаться», так как погружение в воду является существенной частью современного обряда. На самом деле это совсем не так. Название происходит от слов «укупе», «куп», что значит «вместе», «разом». И Купалье несло очень глубокий символический смысл, подразумевающий процесс единения природы и человека во всех проявлениях.

Язычничество настолько прочно вошло в генетическую память, что церкви приходилось прилагать немало усилий, чтобы затереть их. Ну, например, многие христианские посты, когда нельзя ни песни петь, ни веселиться, да практически ничего нельзя, объявлялись именно на те дни, недели и поры года, на которые приходились наиболее значимые языческие праздники. Так, Великий пост приходится на дни Гукання вясны, а Петровский – именно на Купалье.

Так камень окончательно мифологизируется и начинает служить уже соединением божественного и человеческого начал. Возможно, именно отсюда простираются корни еще одного нашего, чисто литвинско-белорусского феномена. Ни у одного европейского народа нет такого количества легенд, притч, сказаний, мифов и сказок, главными действующими лицами которых являлись бы камни. И ведь до сих пор еще не составлено до конца научное описание всех их разновидностей и сюжетов, почти нет географии их размещения. Одним из первых этими вопросами занялся Эрнст Аркадьевич Левков (1935–1996) – доктор

геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств, Международной Академии наук Евразии, лауреат Государственной премии БССР, а, кроме того этнограф, краевед и исследователь белорусской традиционной культуры. Его интересовали, прежде всего, камни, как предметы духовного самоопределения, традиционной культуры, и как предметы культа. Итог: в 1992 г. выходит книга «Маўклівыя сведкі мінуўшчыны» [2]. Такого нашего культурного пласта, да еще и поданного в соответствующем ракурсе, тогда еще практически никто и не знал. Важным видится то, что главным действующим лицом сказок и легенд является камень, либо сам как такой, либо выполняя жанрово-определяющую или сюжетообразующую функцию. Вот наиболее распространенные из них.

Одну группу составляют легенды и сказки, тематически объединенные под условным названием «Быки». Как известно, на Пасху и на двенадцатые праздники работать (физически) категорически запрещается. А один мужик на «Вялікдзень», пользуясь установившейся погодой, решил вспахать поле, так как другого времени не было. Мотивировал он это тем, что богоугодное дело делает – поле готовит под урожай. Быки по пашне шли ровно, ритмично, борозды ложились одна от одной на загляденье. Время подошло к обеду. Жена принесла пахарю спарыш с едой, да собачка за ней увязалась. Оставила хозяйка обед в теньке и собралась домой. Пожелала мужу, чтобы ему Бог помогал, повернулась и пошла. И тут раздался удар грома. Хозяйка вздрогнула, повернулась, а быки, и пахарь, и собачка, и спарыш превратились в камни... Люди проклинали то место у д. Иканы Борисовского р-на, где остались лежать самые знаменитые «Быки» (теперь памятник природы), и никогда больше там не сеяли. Кроме того, камни, окруженные подобной легендой, лежат у дд. Лазовичи Несвижского р-на, Гурины Мозырского р-на, Бринев Петриковского р-на, Клёсино Вилейского и Рачень Любанского р-нов и др.

Другая весьма распространенная группа сюжетов разворачивается вокруг «Каменной свадьбы». Свадебный кортеж либо направлялся в церковь, либо (чаще всего) возвращался с венчания. Видимо женитьба была по любви, так как жених и невеста никого и ничего вокруг себя не замечали, впрочем, как и все участники процессии. Не заметили они и бедно одетого дедка, который шел вдоль дороги. По обычаю следовало бы остановиться, угостить встречного, поделиться своей радостью, и получить от него благословление. Но молодожены проигнорировали обычай, и промчались мимо, обдав странника пылью. Дед был колдуном и вдогонку их всех и проклял. Раздался грохот с небес, гром, молния. И вся свадьба превратилась в цепь камней, вытянувшихся вдоль дороги. У д. Деречин Зельвенского р-на от свадьбы лишь семь камней осталось. Окаменела не только деречинская свадьба. Подобные легенды можно услышать (и на камни посмотреть) в окрестностях дд. Збляны, Лидского р-на, Мостище, Браславского р-на да еще много где.

Еще одна сюжетная линия «каменных сказок» – про «краўцоў» и «шаўцоў». Практически по всей территории Беларуси разбросаны камни, которые могут, точнее, могли, либо одежду шить, либо сапоги точить. Надо только в определенное положить на камень, например, полотно, а на следующий день и свитка готова. А с «шаўцамі» несколько по-другому: либо монетку положи – забирай сапоги день спустя (а часто сапоги сами с утра появлялись в доме), либо старые сапоги поставь, и после ремонта будут как новые. Только вот беда: как правило, если в них пойдешь в храм – полностью разлезутся. Как это получалось у камня, и почему в храм нельзя – никто не знал, поэтому подозревали в этом связь камня с нечистой силой, а сами камни в этой связи называли «чертовыми». Но со временем, камлыги потеряли свои «производственные» функции, а все потому, что дурные люди решили поиздеваться над ними. Принесут полотно, и попросят пошить неведомо что. Камни, как один, обиделись на эту злую шутку, скорее похожую на издевательство, и перестали одежду шить, да обувь выправлять...

Есть у нас еще один объект, являющийся ледниковой классикой: природно-

исторический и этнографический феномен – кремневые шахты времен неолита вблизи пос. Красносельский, что в Волковысском р-на. Удивительно, впервые открытые еще в начале 20-х годов прошлого века, и сравнительно быстро забытые, а к началу 60-х вновь воскрешенные, до сих пор оказываются некому не нужными. Как не покажется странным, но именно лед сделал нам этот подарок. Глетчер со дна моря вырвал мегаглыбы мела включил их в свое тело, и доставил сюда, сформировав в своей краевой зоне Волковысскую возвышенность, и напшиговав ее мелом. Он сам весь усеян кавернами – полостями неправильной или округлой формы различного размера, что служили субстратом для образования кремня. Пока находится в мелу – достаточно пластичен. Напитается воздухом – становится твердым. По шкале от 1 до 10, разработанной в 1811 г. немецким минералогом Фридрихом Моосом, его твердость составляет 7. Значит, может царапать стекло, а сам поддается обработке только алмазом. Кремень перевернул жизнь человечества. Ведь человек догадался, что этот минерал может стать идеальным материалом для изготовления орудий труда. Работа по добыче кремня была очень тяжелая. Обломком рога оленя копалась вертикальная штольня глубиной 6–7 м, чтобы туда опустить лестницу, изготовленную из поваленной сосны с обломанными мутовками. Недалеко от первой штольни прорывается вторая, а потом под землей оба ствола соединяются между собой горизонтальным штреком. Но надо было предусмотреть «помещения» для обогрева, отдыха и приготовления пищи. Далее необходимо было разработать систему укрепления стенок штолен и сводов горизонтальных штреков, чтобы порода не обваливалась и обеспечить и подъем пустой породы на поверхность. Пока минерал не набрался кислорода и еще достаточно пластичен, следует оценив форму добычи, «отжать» от нуклеуса первичные простейшие отщепы или сколы-заготовки. Затем заняться вторичным расщеплением-ретушью, значит оформлением, прежде всего, рабочего края, свойственного определенному орудию и иных его элементов.

Можно представить, какую ценность представляло для наших предков это месторождение кремня.

Такая она, белорусская классика. До сих пор так до конца и непознанная, до конца не оцененная, и до конца несостоявшаяся этническая память, культурный уклад жизни и быта, который веками развивался на субстрате, сформированном движущимся, а затем умирающим льдом.

Литература

1. Ермаловіч, М. Беларуская дзяржава Вялікае Княства Літоўскае / М. Ермаловіч. – Мінск : Беллітфонд, 2000. – 448 с.
2. Сагановіч, Г. Невядомая вайна: 1654–1667 / Г. Сагановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – 144 с.

Богдан П.А.
(Рэспубліка Беларусь, г. Мінск)

НАЦЫЯНАЛЬНЫЯ ТРАДЫЦЫІ Ў СУЧАСНЫМ БЕЛАРУСКІМ МАСТАЦКІМ ТЭКСТЫЛІ

Адной з актуальных праблем развіцця беларускага дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва на пачатку XXI стагоддзя з’яўляецца захаванне нацыянальных рыс і іх арганічнае спалучэнне з сучасным дызайнам вырабаў. Тэкстыль – галіна традыцыйнага мастацтва, што яскрава дэманструе эстэтычныя погляды беларускага народа. Да таго ж захаваная спадчына